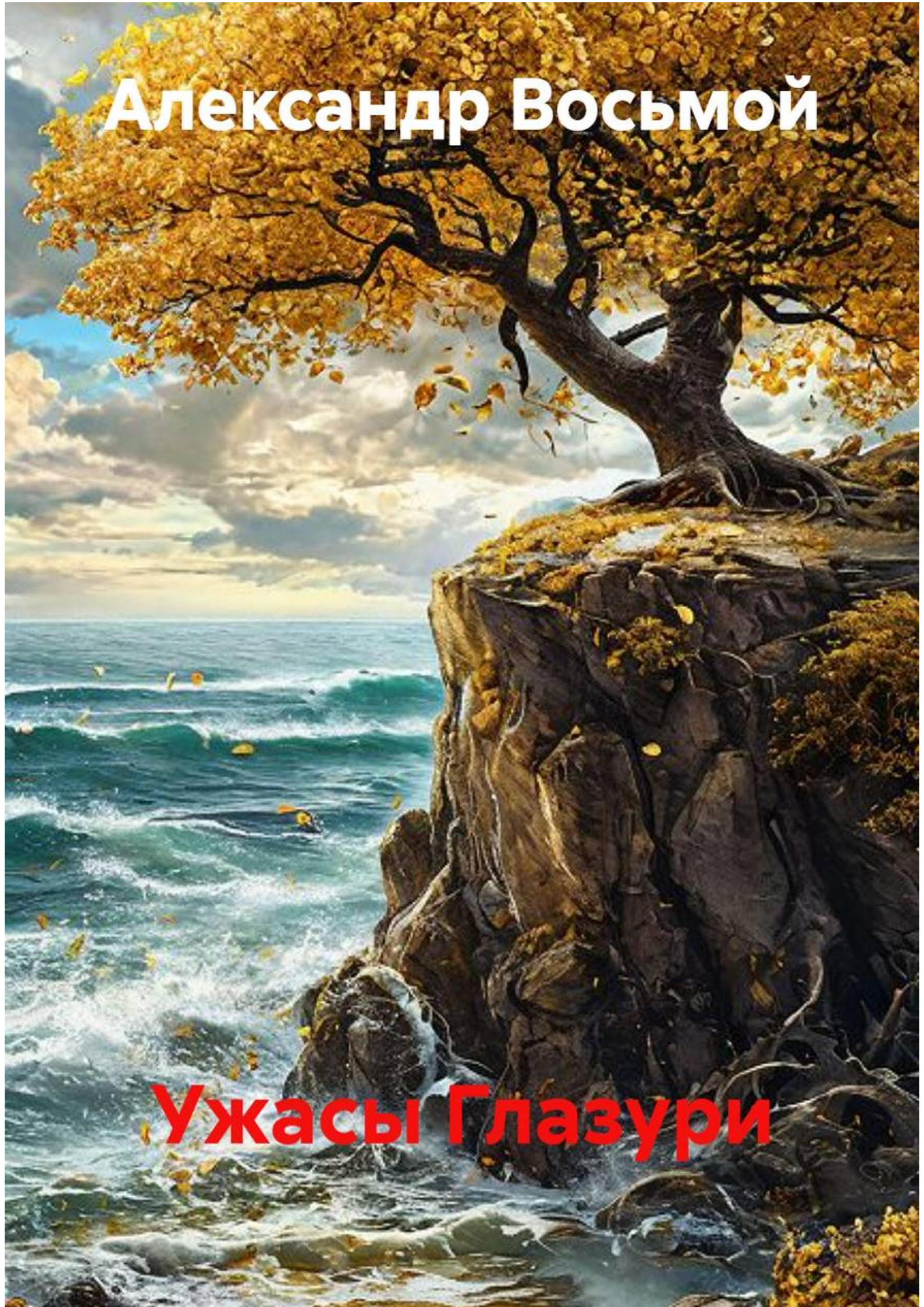

A dramatic landscape painting featuring a large, gnarled tree with vibrant yellow and orange autumn foliage. The tree stands on a dark, craggy rock formation that juts out over a turbulent sea. Waves with white foam are crashing against the base of the cliff. The sky is filled with heavy, grey clouds, with a sliver of blue visible near the horizon. The overall mood is somber and majestic. The text 'Александр Восьмой' is written in white at the top, and 'Ужасы Глазури' is written in red at the bottom.

Александр Восьмой

Ужасы Глазури

Александр Восьмой
Ужасы Глазури

«Автор»

2026

Восьмой А.

Ужасы Глазури / А. Восьмой — «Автор», 2026

Мир балансирует на грани превращения в гигантскую кондитерскую: дрожжевые деревья с ветвями, словно покрытыми сахарной глазурью, растут с пугающей скоростью, океаны становятся вязкими алкогольными морями, а прикосновение к коре превращает людей в «сладких» существ. Астен, первый, чья кожа покрывается золотистой коркой, становится ключом к разгадке — в его ДНК скрыт чужой код. Вместе с командой он бросается к эпицентру заражения, чтобы остановить катастрофу. Но главный вопрос не в том, как победить угрозу, а в том, как не потерять себя в этом липком, сладком мире. Сможет ли Астен обуздать свою меняющуюся природу и спасти человечество — или сам станет частью чужого эксперимента? Эпичные битвы, апокалиптические пейзажи и напряжённая борьба за человечность ждут читателя на каждой странице.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Ужасы Глазури

Глава 1. «Падение золотого камня»

Небо над Тихим океаном было пронзительно-синим, почти неестественно чистым — будто сама природа затаила дыхание перед чем-то непоправимым. Астен стоял на старом деревянном пирсе, где доски давно посерели от соли и ветра, и смотрел вдаль, туда, где горизонт сливался с водой в единую гладкую линию. В кармане у него лежала помятая фотография: он и сестра на этом же пирсе десять лет назад, когда всё ещё казалось простым и понятным. Сегодня он пришёл сюда не за воспоминаниями — ему просто нужно было место, где шум города не заглушал собственных мыслей.

И вдруг небо раскололось.

Сначала это выглядело как падающая звезда — яркая, резкая, будто кто-то чиркнул спичкой по тёмному бархату неба. Но она не исчезала. Она росла, наливалась ослепительным светом, и уже через несколько секунд превратилась в огненный шар, который стремительно падал вниз, оставляя за собой шлейф дыма и искр.

Астен замер.

Потом пришёл звук — не просто грохот, а что-то глубже, будто сама земля вздохнула и тут же захлебнулась от боли. Ударная волна прокатилась по побережью, сбивая с ног чаек, раскачивая фонари, заставляя стёкла в домах звенеть, как натянутые струны. Вода под пирсом вздыбилась, пошла кругами, а затем отступила, обнажив тёмное, влажное дно, усыпанное ракушками и водорослями. На долю секунды всё вокруг замерло в противоестественной тишине.

А потом океан ответил.

Из воды начали подниматься странные образования — не волны, не пена, а тонкие, острые выросты, похожие на кристаллы. Они росли с пугающей скоростью, вытягиваясь вверх, словно пытались дотянуться до неба. Их грани переливались всеми оттенками золота и янтаря, будто были отлиты из сахара и льда. Они не были похожи ни на что из того, что Астен видел раньше. Это были не камни, не кораллы, не водоросли. Это было что-то новое. Что-то чужое.

Люди на берегу закричали. Кто-то снимал на телефон, кто-то пытался убежать, кто-то просто стоял, не в силах поверить в происходящее. По радио и телевидению уже неслись первые сообщения: «Неизвестный объект упал в Тихий океан», «Возможная техногенная катастрофа», «Власти призывают сохранять спокойствие». Но спокойствие рассыпалось, как тонкий лёд под ногами.

Астен сделал шаг вперёд, к краю пирса, и наклонился, чтобы рассмотреть поближе эти странные кристаллы. С них стекали капли густой, перламутровой пены. Одна капля упала ему на ладонь.

В тот же миг по коже пробежало странное тепло — не ожог, не зуд, а именно тепло, мягкое и настойчивое, как прикосновение невидимой руки. Он посмотрел на свою ладонь и не смог сразу поверить в то, что видел. Кожа покрывалась тонкой золотистой коркой, похожей на застывшую карамель. Она не болела, не чесалась — она просто была. И она росла. Тонкие линии, похожие на венчики, расходились от центра ладони к пальцам, словно кто-то рисовал на его коже невидимыми чернилами.

Он провёл другой рукой по корке — она была твёрдой, но не каменной, а скорее восковой, с лёгким перламутровым блеском. Он сжал кулак — корочка не треснула. Он поднёс ладонь к лицу — от неё пахло не морем, не солью, а чем-то сладким, почти кондитерским, с лёгкой горчинкой, как у подгоревшего сахара.

«Это невозможно», — прошептал он, но голос прозвучал глухо, будто доносился из-под воды.

На берегу тем временем происходило нечто ещё более странное. Один из зевак, молодой парень в яркой футболке, подошёл слишком близко к воде и коснулся одного из кристаллических выростов. Сначала ничего не произошло. Потом его пальцы начали светиться тусклым янтарным светом. Затем кожа на руке стала покрываться такой же золотистой коркой, как у Астена. Парень закричал, но крик быстро сменился хрипом — его губы словно склеились, а лицо застыло в гримасе ужаса и удивления. Через несколько секунд он перестал двигаться вовсе, превратившись в неподвижную фигуру, покрытую тонкой, блестящей оболочкой.

Кто-то из толпы бросился к нему, но другой человек, постарше, схватил его за руку и крикнул:

— Не трогай! Ты тоже станешь таким!

Но было уже поздно. Ещё один человек коснулся застывшего парня — и его собственная рука тут же начала покрываться золотистой коркой. Паника вспыхнула мгновенно, как сухая трава. Люди бежали, толкались, кричали, пытались укрыться, спрятаться, убежать от того, чего не могли понять.

Астен стоял на пирсе, чувствуя, как тепло расплзается по руке выше запястья, и понимал: он уже не сможет просто уйти и забыть. Он стал частью этого. Он был первым.

По телевизору в ближайшем кафе, где люди сбились в кучу, как напуганные птицы, диктор повторял одно и то же: «Повторяем: не прикасайтесь к неизвестным образованиям. Не пытайтесь их исследовать. Оставайтесь в помещениях. Власти работают над ситуацией». Но в его голосе уже не было уверенности — только нарастающая тревога.

С моря поднимался густой, сладкий пар. Он оседал на лицах, на одежде, на волосах, оставляя после себя липкий налёт. Воздух становился густым, тяжёлым, словно дышать приходилось сквозь сироп. Где-то вдали, за линией горизонта, начали загораться волны — не от нефти, не от бензина, а будто сама вода стала горючей. Океан горел призрачным пламенем, отбрасывая на небо багровые отсветы.

Астен посмотрел на свою руку ещё раз. Золотистая корка уже добралась до локтя. Он чувствовал, как внутри него что-то меняется — не только тело, но и восприятие. Мир вокруг становился ярче, чётче, будто кто-то выкрутил контраст на максимум. Он слышал каждый крик, каждый всплеск, каждый скрип досок под ногами с пугающей ясностью. И ещё он чувствовал что-то странное — тонкий, едва уловимый шёпот, который исходил от этих кристаллических побегов. Это не были слова, но это было послание. Оно говорило: «Ты не один. Ты — начало».

Он не знал, что это значит. Но он знал, что теперь его жизнь никогда не будет прежней.

Где-то в глубине страны, в секретной лаборатории, учёные уже изучали первые образцы. Они видели структуру спор под микроскопом и понимали: это не земная биология. Это что-то чуждое, сложное, идеально спроектированное. И в этих спорах был код — не ДНК, не РНК, а нечто иное, написанное на языке, который человечество ещё не научилось читать.

Астен не знал об этом. Он просто стоял на пирсе, смотрел на горящие волны и думал о том, что ему теперь делать. Как остановить то, что только началось? Как спасти тех, кто ещё оставался людьми? И самое главное — как не стать тем, кого придётся спасать от самого себя?

Падение золотого камня было только началом. А история Астена — его борьбой за то, чтобы остаться человеком в мире, который становился всё более сладким... и всё более опасным.

Глава 2. «Сладкая кожа»

Астен прижимался спиной к холодной стене заброшенного дома — старой трёхэтажки на окраине города, где штукатурка давно осыпалась, а окна зияли чёрными провалами. Здесь пахло пылью, сыростью и чем-то затхлым, но этот запах был привычным, земным, настоящим

— и потому успокаивал. В отличие от того сладкого, липкого аромата, который теперь тянулся за Астеном, будто невидимый шлейф.

Превращение шло волнами. То казалось, что золотистая корка застыла, перестала ползти дальше, и в груди вспыхивала робкая надежда: может, всё остановилось, может, это был какой-то сбой, кратковременный эффект. Но потом накатывала новая волна жара — словно под кожей бежали тонкие струйки раскалённого сиропа. Пальцы становились ломкими, будто покрытыми тонкой глазурью: если слишком сильно сжать кулак, по поверхности пробежала едва заметная сеть трещин. Астен боялся смотреть на себя слишком долго — казалось, что если задержать взгляд, он увидит, как лицо тоже начинает блестеть, как сахарная корочка на пироге.

Он достал из кармана старый кнопочный телефон — единственный, который ещё ловил сеть в этом районе. Экран мигнул, и на него посыпались уведомления: «Чрезвычайная ситуация», «Не выходите на улицу», «Избегайте контакта с кристаллическими образованиями». Астен пролистал до новостного канала. На экране мелькали кадры с побережья: люди застыли в неестественных позах, будто кто-то нажал на паузу в самом страшном моменте фильма. Их кожа блестела, будто покрытая сиропом, а тени под телами растекались тёмными лужицами, словно сама реальность пыталась смыть это зрелище.

Диктор говорил быстро, сбивчиво, будто сам не верил в собственные слова:

— Учёные пока не могут определить природу явления. Одни называют это вирусом, другие — неизвестным химическим соединением, третьи... вообще говорят о магии. Но факт остаётся фактом: контакт с этими кристаллическими наростами приводит к необратимым изменениям.

Астен усмехнулся горько. «Необратимым». Это слово царапало изнутри сильнее любой корки. Он поднёс руку к свету из разбитого окна — золотистые прожилки теперь тянулись выше локтя, тонкие, как капилляры, только вместо крови по ним будто текло что-то густое и тёплое. Он коснулся кожи пальцем другой руки — она была твёрдой, но не как кость, а как застывшая карамель: если надавить чуть сильнее, под поверхностью чувствовалось что-то живое, пульсирующее.

И вдруг он услышал это.

Не голос. Не слова. А шёпот — тонкий, едва уловимый, будто ветер пробежал по натянутым струнам. Он исходил не извне, а будто изнутри самой корки, из этих золотистых прожилок. Это был не звук, а ощущение: ритм, пульс, который совпадал с биением его сердца, но был шире, глубже, будто тянулся куда-то за пределы комнаты, за пределы дома, к тем самым кристаллическим сталактитам на побережье. Астен закрыл глаза и вдруг увидел карту города, нарисованную тонкими золотыми линиями — они тянулись от него к каждому очагу заражения, пульсируя в такт этому шёпоту.

«Ты чувствуешь нас», — прошептал ритм. Или это был его собственный разум, пытающийся придать смысл хаосу? Он не знал. Но он чувствовал: дрожжевые побеги были не просто растениями, не просто заразой. Они были сетью, живой, дышащей, и он теперь был её узлом.

В углу комнаты лежала старая газета. Астен поднял её дрожащими руками — и тут же замер: на бумаге проступили тонкие золотистые линии, повторяющие узор на его коже. Он отёрнул руку, но линии остались, будто выжженные невидимым огнём. Он понял: его прикосновение теперь меняло мир. Не только он менялся — он оставлял свой след на всём, чего касался.

С улицы донёсся крик. Астен подошёл к окну и выглянул наружу. По переулку бежала женщина, прижимая к себе ребёнка. За ними, медленно и неумолимо, тянулись тонкие золотистые нити, вырастающие прямо из асфальта. Они не были похожи на корни или лианы — они напоминали сахарные нити, которые тянут на ярмарках, только эти росли с пугающей скоро-

стью, оббивая фонарные столбы, цепляясь за стены, тянувшись к людям. Женщина споткнулась, упала, и ребёнок выскользнул из её рук, покотившись по земле. Одна из нитей коснулась его ботинка — и тут же обвилась вокруг щиколотки, тонкая, блестящая, будто покрытая глазурью.

Женщина закричала, бросилась к ребёнку, схватила его за руку — и в тот же миг её пальцы тоже начали покрываться золотистой коркой. Она замерла на секунду, будто пытаясь осознать, что происходит, а потом её лицо исказилось от ужаса. Ребёнок заплакал, но его слёзы оставляли на щеках блестящие дорожки, словно покрытые сахарной пудрой.

Астен хотел броситься к ним, помочь, вырвать из этой сладкой ловушки. Но он замер, прижавшись лбом к холодному стеклу. Он знал: если он выйдет туда, если попытается прикоснуться к ним, он только ускорит превращение. Его новая природа была заразной. Он был не спасителем — он был частью болезни.

По телевизору тем временем начался прямой эфир из секретной лаборатории. На экране учёная в белом халате, с тёмными кругами под глазами, говорила в камеру:

— Мы изучили структуру спор. Это не случайность. Это не природный феномен. Это биологическое оружие... или, возможно, эксперимент. В спорах содержится код, который не похож ни на одну известную нам форму ДНК. Он словно написан на другом языке. И самое странное — мы нашли следы этого кода в ДНК первого подтверждённого носителя. Его зовут Астен.

Камера переключилась на старую фотографию — Астен на школьном выпускном, улыбающийся, с живыми глазами, ещё не знающий, что его жизнь станет ключом к разгадке чужой тайны.

Он отшатнулся от экрана, будто его ударили. Они знали его имя. Они знали, кто он. И если они найдут его, если поймут, насколько он важен... он станет не только жертвой, но и инструментом.

Шёпот внутри него стал громче. Он чувствовал, как дрожжевые деревья растут по всему городу, как их корни проникают в землю, как их ветви тянутся к небу, светящиеся в темноте, будто покрытые сахарной глазурью. Он чувствовал их голод, их жажду, их холодную, безличную решимость захватить каждый сантиметр планеты. И он чувствовал, что может управлять этим. Не полностью, не осознанно, но он мог замедлять рост, мог направлять энергию, мог даже на мгновение заставить одно из деревьев остановиться.

Но цена была высока. Каждый раз, когда он пытался использовать эту силу, золотистая корка на его коже становилась толще, пальцы — ломче, а мир вокруг — чуть менее реальным. Он начинал видеть мир иначе: здания казались ему гигантскими кондитерскими изделиями, улицы — карамельными дорожками, а люди — хрупкими фигурками из сахара, готовыми рассыпаться от одного прикосновения.

Астен опустился на пол, прижав колени к груди. Он думал о сестре, о том, где она сейчас, в безопасности ли она. Он хотел позвонить, услышать её голос, убедиться, что с ней всё в порядке. Но он боялся: вдруг его голос теперь тоже несёт в себе эту заразу? Вдруг одно слово, один вздох — и она начнёт меняться?

За окном город продолжал меняться. Над крышами домов поднимался густой сладкий пар, оседая на стёклах липкими каплями. Где-то вдали вспыхивали огни — не пожары, а горящие волны, превратившиеся в жидкое пламя. Океан горел, и этот огонь отражался в глазах каждого, кто смотрел на горизонт.

Астен закрыл глаза и снова слышал шёпот. На этот раз он не пытался его заглушить. Он слушал. И в этом шёпоте он начал различать не хаос, а ритм. Не угрозу, а возможность. Он не мог остановить заражение в одиночку. Но, возможно, он мог найти способ использовать свою новую природу, чтобы спасти тех, кто ещё оставался людьми.

Он поднялся, стёр с лица липкие капли пара и посмотрел на свою руку. Золотистая корка теперь доходила до плеча. Он сжал кулак — трещин не было. Он был крепче. Он был другим. И он был нужен этому миру — даже если сам ещё не знал, как именно.

Паника накрывала города, учёные спорили о природе заражения, а Астен стоял в заброшенном доме и понимал: он больше не был просто человеком. Он был мостом между двумя мирами — земным и чужим. И от того, как он воспользуется этой связью, зависело, останется ли на планете хоть что-то, что можно будет назвать домом.

Глава 3. «Лаборатория на грани»

Путь до секретной лаборатории лежал через мёртвый пригород: улицы, ещё вчера полные жизни, теперь казались декорациями к фильму ужасов. Машины застыли посреди дорог, будто их накрыло невидимым куполом; витрины магазинов треснули, и по стеклу расплзлись тонкие золотистые прожилки, похожие на узоры инея — только этот «иней» был тёплым и живым. Воздух пах карамелью и озоном — сладкий, тяжёлый аромат, от которого першило в горле и кружилась голова. Астен шёл, стараясь не задевать ничего по пути: он уже знал, что его прикосновение оставляет след, а след этот мог стать началом новой волны заражения.

На окраине города, за ржавым забором с табличками «Опасная зона» и «Вход воспрещён», пряталось здание, которое раньше было исследовательским центром, а теперь стало последним бастионом науки. Охранник у ворот смотрел на Астена с подозрением, но стоило доктору Лине выйти из дверей и кивнуть, как он молча отступил, будто сам боялся нарушить тишину.

— Ты вовремя, — сказала Лина, когда Астен подошёл ближе. Её голос звучал устало, но в глазах горел тот самый огонь, который появляется только тогда, когда на кону стоит всё. На белом халате виднелись пятна неизвестного происхождения — то ли реактивы, то ли капли чего-то, что уже нельзя было назвать «земным». — Мы не справляемся.

Лаборатория встретила Астена гулом аппаратуры, миганием экранов и запахом антисептика, который не мог перебить сладковатый оттенок, уже проникший повсюду. В стерильных боксах за толстыми стёклами стояли образцы: странные кристаллические структуры, похожие на сталактиты из сахара и янтаря. Они светились тусклым, пульсирующим светом, будто внутри них билось чужое сердце. На мониторах бежали графики, линии которых взмывали вверх с пугающей скоростью — биомасса росла экспоненциально, опережая все прогнозы.

Лина провела его к изолированному отсеку.

— Мы взяли образцы спор, — объяснила она, пока они шли по узкому коридору, где каждый шаг отдавался эхом. — Сначала думали, что это вирус или мутация дрожжей. Но это не так. В структуре есть код, который не подчиняется известным законам биологии. Он не просто управляет ростом — он переписывает реальность. И самое главное... мы нашли следы этого кода в твоей ДНК.

Астен замер.

— В моей?

Лина кивнула.

— Ты не просто заражён. Ты — интерфейс. Твой организм каким-то образом принял этот код и начал его интерпретировать. Возможно, именно поэтому ты можешь чувствовать рост этих структур. Возможно, ты даже можешь на них влиять.

В этот момент из соседнего отсека раздался резкий звук — звон разбитого стекла. Все обернулись. Один из ассистентов, молодой парень с дрожащими руками, неловко задел стойку с пробирками. Одна из них упала и разбилась, и капля густой янтарной жидкости выплеснулась на пол.

Секунду ничего не происходило.

А потом капля начала растекаться, не как обычная жидкость, а будто живая. Она тянулась тонкими нитями, образуя на полу тонкую плёнку, похожую на карамель. Плёнка росла с невероятной скоростью, покрывая плитку, поднимаясь по ножкам стола, обвивая провода. Кто-то закричал, кто-то бросился к системе изоляции, но было уже поздно: за считанные секунды пятно достигло порога и начало просачиваться в соседний отсек.

— Герметизация! — крикнула Лина, и металлические створки с грохотом опустились, отрезая заражённый участок. Но даже сквозь толстое стекло было видно, как плёнка продолжает расти, как на её поверхности появляются крошечные бугорки, похожие на зачатки корней.

Астен почувствовал это раньше остальных. Тихий шёпот, который он уже научился слышать, стал громче, настойчивее. Он закрыл глаза и вдруг увидел не лабораторию, а сеть тонких золотых линий, пронизывающих стены, пол, воздух. Эти линии тянулись от разбитой пробирки к другим образцам, к боксам, к самим учёным — и к нему. Он понял: плёнка пыталась соединиться со всем, что имело в себе хоть каплю чужого кода. А он был самым сильным источником.

Он протянул руку к стеклу, не касаясь его, и прошептал:

— Стой.

И плёнка замерла.

На долю секунды она перестала расти. Линии на её поверхности дрогнули, будто в замешательстве. Затем она начала медленно сжиматься, втягиваясь обратно в центр, пока не превратилась в маленькую янтарную каплю, застывшую на плитке.

В лаборатории повисла тишина. Даже аппаратура, казалось, на мгновение замолчала. Все смотрели на Астена.

— Ты... ты это сделал? — голос Лины звучал почти шёпотом.

Астен кивнул, сам не до конца веря в то, что произошло.

— Я просто... попросил её остановиться.

Лина подошла ближе, её глаза блестели не от усталости, а от азарта.

— Тогда ты — наш единственный шанс. Нам нужно больше данных. Нам нужно понять, как этот код работает в твоём организме, чтобы найти способ его отключить.

Астен посмотрел на свою руку: золотистая корка теперь покрывала не только кожу, но и проступала сквозь ткань рукава, будто сама ткань становилась частью его новой природы. Он знал, что каждое исследование, каждый забор крови, каждый тест будут стоить ему кусочка человечности. Но он также знал, что если не сделает этого, мир превратится в гигантскую кондитерскую, где люди станут сладкими статуями, застывшими в вечном ожидании чего-то, чего они никогда не поймут.

Его усадили в кресло, окружённое датчиками и проводами. Техники начали подключать оборудование, экраны загорались один за другим, фиксируя каждый импульс, каждый всплеск активности в его теле. Лина взяла тонкую иглу, но остановилась, глядя ему в глаза.

— Это будет неприятно. И, возможно, необратимо. Ты уверен?

Астен сжал кулаки. Трещины на золотистой корке пробежали тонкими линиями, но не разошлись. Он чувствовал, как шёпот внутри него становится всё громче, как мир вокруг начинает звучать на чужой частоте. Но он всё ещё слышал свой собственный голос.

— Делайте. Пока я ещё могу помочь.

Игла вошла в вену, и алая капля крови смешалась с прозрачной жидкостью в пробирке. На мгновение смесь вспыхнула тусклым янтарным светом, а затем начала медленно вращаться, будто пыталась сложить из себя какой-то узор. На экране появился график, линия которого рванула вверх, а затем резко упала, словно система не могла обработать полученную информацию.

Один из учёных прошептал:

— Это невозможно... код реагирует на живую ткань. Он пытается... адаптироваться.

Лина смотрела на данные, её пальцы летали по клавиатуре, пытаясь удержать ускользающую логику.

— Мы близки, — сказала она, не отрываясь от экрана. — Очень близки. Если мы сможем изолировать ключевой фрагмент, мы сможем создать ингибитор. Но для этого нам нужно больше. Нам нужно, чтобы ты... позволил коду проявиться.

Астен закрыл глаза. Он чувствовал, как золотистые нити внутри него тянутся к образцам, к экранам, к каждому уголку лаборатории, словно пытаясь соединить всё в единую сеть. Он знал: если он позволит этому случиться, он может потерять контроль. Но если он не сделает этого, никто другой не сможет.

— Хорошо, — прошептал он. — Дайте мне минуту.

Он сосредоточился, позволяя шёпоту стать громче, позволяя золотым линиям проступить в его сознании. Он видел, как код течёт сквозь него, как он сплетает новые связи, как пытается найти путь к отключению механизма роста. И в какой-то момент он увидел его — тонкий узел, точку, где вся сеть сходилась воедино. Это был ключ.

Когда он открыл глаза, все экраны в лаборатории показывали одну и ту же схему: сложную, витиеватую структуру, напоминающую спираль из янтарных нитей. Лина смотрела на неё, не веря своим глазам.

— Это... это то, что мы искали. Это архитектура кода. Теперь мы можем попытаться её разрушить.

Астен откинулся на спинку кресла, чувствуя, как силы покидают его. Золотистая корка на его коже стала чуть прозрачнее, будто часть её ушла в эту схему, в эти данные. Он спас лабораторию. Но он также отдал частичку себя.

За стенами лаборатории город продолжал меняться. Над крышами поднимался густой сладкий пар, а вдалеке, на горизонте, вспыхивали огни горящих волн. Мир балансировал на грани, и Астен был тем, кто удерживал эту грань — пока ещё мог.

Лина положила руку ему на плечо — осторожно, будто боялась, что он рассыплется, как хрупкая карамель.

— Спасибо, — сказала она просто. — Теперь у нас есть шанс.

Астен слабо улыбнулся.

— Не благодарю пока. Мы ещё не победили.

Но в глубине души он знал: первый шаг сделан. И теперь впереди было самое сложное — не дать коду поглотить его, пока он пытается спасти остальных.

Глава 4. «Город, который стал десертом»

Город больше не был городом. Он стал чем-то средним между кондитерской витриной и декорацией к кошмару. За считанные дни улицы покрылись тонкой сахарной коркой, которая хрустела под ногами, как первый лёд, только этот лёд был тёплым и липким. Витрины магазинов треснули под тяжестью выросших «сталактитов» — они тянулись сверху вниз, словно застывшие потоки карамели, отливающие янтарём и золотом. Даже фонари и дорожные знаки оплели тонкие нити, похожие на сахарную вату, только эта «вата» была твёрдой, почти стеклянной.

Воздух стал густым и сладким, будто кто-то растворил в нём тонны ванили и жжёного сахара. Он оседал на коже липкой плёнкой, забивал ноздри, заставлял кашлять. Каждый вдох отдавал горечью — будто сладость успела прокиснуть, превратиться в забродивший сироп. Пары этанола висели над улицами, как призрачный туман, и в этом тумане силуэты домов казались размытыми, нереальными, будто нарисованными акварелью, которую слишком сильно смочили водой.

Астен шёл по опустевшему проспекту, стараясь держаться середины дороги, подальше от стен и выступающих наростов. Его золотистая кожа поблёскивала в тусклом свете пасмурного

неба, и он ловил на себе взгляды тех немногих, кто ещё решался выглянуть из окон. В этих взглядах было всё сразу: страх, любопытство, отчаяние и даже что-то похожее на зависть — будто его превращение делало его особенным, почти неуязвимым. Но Астен знал цену этой «неуязвимости».

Голод и жажда гнали людей на улицу, несмотря на опасность. Супермаркет на углу проспекта был осаждён толпой. Люди кричали, толкались, пытались прорваться внутрь сквозь стеклянные двери, которые уже покрылись золотистой паутиной трещин. Внутри, наверное, ещё оставались продукты — обычные, земные, не тронутые заразой. Для тех, кто ещё оставался человеком, это было сокровищем.

Астен остановился в тени полуразрушенного кафе, наблюдая за штурмом. В какой-то момент двери не выдержали, и толпа хлынула внутрь. Охранник у входа — крупный мужчина в форме, с лицом, изборозждённым усталостью, — пытался удержать напор, выставив вперёд руки. Одна из его ладоней скользнула по стене, покрытой тонкой коркой спор.

На секунду ничего не произошло.

Потом кожа на его руке начала светиться тусклым янтарным светом. Прожилки, похожие на тонкие вены, побежали от ладони вверх по предплечью. Он замер, будто не веря в то, что происходит. Его губы шевельнулись, произнося что-то, чего Астен не расслышал сквозь гул толпы. А затем охранник перестал двигаться вовсе. Его тело застыло в неестественной позе, а кожа покрылась тонкой золотистой коркой, словно его облили жидким сахаром и дали ему застыть. Он превратился в неподвижную фигуру, в статую, в часть этого сладкого, липкого мира.

Кто-то из толпы закричал, кто-то бросился назад, но большинство, ослеплённые голодом, продолжали рваться внутрь, не замечая или не желая замечать, что произошло. Они переступали через застывшего охранника, будто он был не человеком, а просто препятствием, которое можно обойти.

Астен почувствовал, как внутри него что-то сжалось. Это было не просто сочувствие — это был отклик. Он ощутил тот самый шёпот, который уже стал частью его сознания, только теперь он звучал иначе: не как тихий ритм, а как нарастающий гул, как хор тысяч голосов, сливающихся в один. Этот гул исходил от наростов на стенах, от кристаллических сталактитов, от самой земли, пропитанной спорами. И он говорил: «Мы растём. Мы захватываем. Мы становимся всем».

Он сделал шаг вперёд, сам не зная зачем, и коснулся стены здания — не ладонью, а кончиками пальцев, осторожно, будто проверяя, насколько горячей оказалась поверхность. И вдруг гул стих. Не полностью, не навсегда, но на мгновение он стал тише, словно кто-то убавил громкость. Золотистые прожилки на стене под его пальцами перестали пульсировать, их янтарный свет потускнел, а сама корка будто стала чуть менее плотной, менее живой.

Астен замер, не отнимая руку. Он чувствовал, как его собственная природа вступает в резонанс с заразой, как его ДНК, изменённая чужим кодом, находит точку соприкосновения с этой сетью. Он мог не просто чувствовать её — он мог влиять на неё. Он мог замедлять рост спор, мог на мгновение останавливать их распространение, просто касаясь заражённых поверхностей.

Это было не избавление, не победа. Это была капля в море, искра в бушующем пламени. Но это было что-то. Это была возможность.

Толпа внутри супермаркета начала выходить обратно — не организованно, а в панике. Кто-то кричал, что продукты тоже начали меняться: банки покрывались золотистой плёнкой, хлеб превращался в плотную сладкую массу, а вода в бутылках становилась тягучей и горькой. Люди выбегали на улицу с пустыми руками, с искажёнными от ужаса лицами, и тут же сталкивались с новой реальностью: улицы, по которым они бежали, тоже менялись на глазах. Из

асфальта пробивались тонкие побеги, похожие на кристаллы сахара, они росли с пугающей скоростью, обвивая ноги, цепляясь за одежду, оставляя на коже липкие следы.

Одна женщина упала, и побеги тут же оплели её лодыжки, поднимаясь выше, к коленям. Она кричала, пыталась стряхнуть их, но они были упрямыми, настойчивыми, живыми. Астен бросился к ней, не думая о последствиях. Он схватил её за руку, потянул вверх, и в тот момент, когда его золотистая кожа коснулась её запястья, побеги замерли. Их янтарный свет погас, а сами они стали хрупкими, будто превратились в тонкий лёд. Женщина вырвалась, отползла назад, глядя на него широко раскрытыми глазами, полными страха и благодарности.

— Не трогай ничего, — выдохнул Астен, когда она попыталась схватить его за рукав. — Просто уходи. Найди укрытие.

Она кивнула, поднялась и побежала прочь, не оглядываясь.

Астен остался стоять посреди улицы, чувствуя, как силы покидают его. Замедление роста спор требовало энергии, концентрации, воли. Он чувствовал, как золотистая корка на его коже становится тяжелее, будто наливается свинцом, как шёпот внутри него снова начинает набирать силу, пытаясь вернуть утраченные позиции.

Над городом сгущались сумерки, и в темноте ветви дрожжевых деревьев начинали светиться, будто покрытые сахарной глазурью. Их свет был холодным, безжизненным, и от этого он казался ещё более зловещим. Где-то вдали вспыхивали огни — не пожары, а горящие волны, превратившиеся в жидкое пламя. Океан продолжал гореть, и этот огонь отражался в глазах каждого, кто смотрел на горизонт.

Астен поднял голову и посмотрел на небо, которое уже не было прежним. Оно было затянуто плотным, сладким туманом, и сквозь него едва пробивались последние лучи заходящего солнца. Он понимал: город стал десертом, сладким и ядовитым, и каждый, кто оставался здесь, рисковал стать частью этого блюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.